

ELENA MAY

СВЯЗАННЫЕ КЛЯТВОЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Память душ • книга 1

Elena May

Связанные клятвой

«Автор»

2026

May E.

Связанные клятвой / Е. Мау — «Автор», 2026

Она открывает глаза — и понимает, что это больше не её жизнь. Чужое тело. Чужое имя. Брак, которого она не выбирала, и мужчина, с которым её связывает не любовь, а договор двух Домов и магическая нить, которую нельзя разорвать без последствий. Лиана Эверн де Лорей должна стать идеальной герцогиней и студенткой академии. Но слишком быстро замечает то, чего не видят другие: тела, странные разрывы в ткани магии и следы, ведущие к тем, кому выгодно направить расследование по ложному пути. Рейнар де Лорей привык доверять приказам, фактам и собственному контролю. Его жена должна была быть тихой и послушной — именно такой её описывали письма. Но женщина рядом с ним совсем не похожа на ту, которую он должен был встретить. Она ищет правду в деталях. Он ищет виновного в городе. И чем ближе они подходят к разгадке, тем сильнее становится притяжение, которое оба пытались не замечать. Потому что охота уже началась. И теперь ставка — не только их брак.

© May E., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Обычный вечер	5
Глава 2	8
Чужое отражение	8
Глава 3	13
Чужие правила	14

Elena May

Связанные клятвой

Глава 1

Обычный вечер

Тогда я думала, что самое страшное уже произошло. Позже оказалось: есть вещи тяжелее потери. Те, которым даже нельзя дать имя.

Смена затянулась на полчаса. Как обычно.

Ещё успею к ужину, если у стола опять не найдётся человек, которому срочно понадобится моя подпись. Если задержат — буду считать минутки вслух. Не из злости. После отца я заменила слёзы счётом. Пока всё посчитано, мир не расползается.

Сегодня сестра снова обещала оставить мне самый хрустящий край хлеба — хотя вчера сама его съела и потом полвечера доказывала, что я ничего не заметила. Племянник вчера положил у калитки камешек, чтобы я не прошла мимо в темноте. Я шла к этому — к краю, к камешку, к спору про хлеб.

Фонари на карнизах уже горели. Маг щёлкнул пальцами — стеклянный шар над улицей вспыхнул. Я машинально посмотрела на его руки. Не потому, что боялась магии. Отец всегда говорил: если хочешь понять человека, смотри, что он делает руками, когда думает, что на него никто не смотрит. Пальцы мага были спокойны. Под ребрами было тихо, как всегда. Я прошла дальше.

Ноги ныли. Я поправила ворот и свернула в переулок: длинной улицей к дому опоздаю. После заката тут быстро пустело — стража держалась на длинной улице у фонарей, сюда заглядывала редко. Истории о пропавших кошельках звучали слишком часто, чтобы считать их выдумкой. Но я резала этот путь каждый вечер. Знакомый счёт успокаивал сильнее стражи.

Два двора. Один поворот. Арка — и почти дома.

Стены стали теснее, свет — реже. Между крышами уже проступало узкое окно под коньком: сестра оставляла там лампу после смены, чтобы я нашла дорогу. Калитка за аркой всегда чуть заедает — я уже считала, как толкну её плечом.

Под аркой эхо шагов ударило громче обычного. Собака за стеной молчала. Из окон — ни голосов, ни ругани.

Сначала страха не было. Только сухой счёт: в этот час тут всегда шумели. Сейчас — нет. Тишина не покой. Тишина — когда привычное вынули.

Я вышла из арки.

На площади перед дворами кто-то лежал у камней. Я не сразу поняла, что смотрю. Слишком ровно. Слишком тихо для упавшего пьяного.

Потом увидела горло — одну линию, без ярости. Рядом живой вытирал клинок о край плаща — как после смены на кухне. Не кричал. Не оправдывался.

Каблук скользнул по щебню. Я замерла.

У лавки — сапожник Марн. Сосед, которого я знала двадцать лет. До полудня он стучал молотком даже без заказов: «чтобы руки не забыли». Молоток лежал у порога. Марн ещё пытался поднять руку — один слабый жест.

Убийца спокойно закончил движение. Крик оборвался на полуслове.

В воздухе — тёплое железо крови. Желудок сжался раньше мысли.

Это не драка. Не кошельки на бегу.
Сколько их? Откуда? Перекрыта ли калитка?
Страх пришёл вторым. Как всегда: сначала счёт, потом дрожь.
Кто-то повернул голову в мою сторону — спокойно, как на следующую строку. Я отступила. Пятка глухо ударилась о камень арки. Руки сжались в кулаки.
Взгляд убийцы скользнул мимо. Я пока не была целью.
Только тогда я подняла глаза выше — на ступени старой прачечной.
Там стоял другой. Не в тёмной одежде тех, кто резал вниз: плащ проще, лицо открыто. Он не махал клинком. Он читал — тихо, почти буднично. Он не смотрел на убитых и не следил за тсражей. смотрел только на место пред собой, будто все происходящее вокруг было частью того, что он собирается сделать. Под кожей пальцев вспыхивали тонкие линии света. Воздух над ними дрожал, как над раскалённым железом.
Я не разбирала слов — чужой язык, как щелчки замков
Он поднял глаза. Не на кровь — на меня. Спокойно, с холодной внимательностью.
— Нет, — выдохнула я так тихо, что едва слышала себя.
Я не знала, что именно он собирался сделать. Но почему-то уже понимала: это должно было коснуться и меня.
Он не отвёл взгляда. Читал дальше.
Под ногами дрогнул камень. Мостовая на миг поплыла, как тяжёлая ткань, которую тянут за края. Фонарь на углу погас без щелчка. Звуки вынули из воздуха. Холод пришёл изнутри: во рту пусто, пальцы онемели.
Воздух лопнул тишиной. Над мостовой, в шаге от нашего забора, открылся разрыв: края ровные до неестественности, за ними — тьма без дна.
Я не знала, что это было. Но поняла одно: за этой тьмой не было места, куда можно вернуться.
Дыра расплзлась вширь — в неё прошла бы телега. Изнутри выбиралось что-то со слишком многими сгибами и без человеческого тепла. Иней полз по камням, съедая кровь до белёсой корки.
Женщина у колодца исчезла в один рывок — на ободке осталась тёмная мокрота. Следом выползло второе. Они не рычали. Они гасили всё тёплое.
Одно не кинулось в толпу. Замерло у края дыры; верх формы повернулся к ступеням прачечной. Читающий едва шевельнул пальцами — тварь пошла вдоль забора, минуя лужи крови.
Со стороны длинной улицы ударил рожок стражи. Послышался тяжёлый топот, лязг кольчуг. Чей-то голос рявкнул:
— К строю!
Страж споткнулся у дыры. Копьё второго ушло в черноту — и исчезло бесшумно.
Бой кипел у стены. У дыры стража теряла каждый метр.
В просвете между спинами мелькнул тёплый свет лампы.
Пятнадцать шагов до калитки.
Я рванула вперёд. Счёт должен был держать мир на месте — два, один, пятнадцать. Цифры не сходились. Я пересчитала. Сново. Не помогло. Кровь. Иней. Чужая воля.
Маг склонил голову ко мне. Пальцы шевельнулись резче; свет на них стал злее. Тварь у забора развернулась.
Три шага по крови — иней цеплялся за ноги. Калитка почти видна.
Удар пришёл без клинка — глухая тяжесть. Воздух перед грудью сжался и ударил разом, будто распахнутая на бегу дверь. Рёбра отозвались треском. Во рту — металл.
Я ещё видела его лицо: высокий лоб, спокойный взгляд, жёсткий свет на кончиках пальцев.

Колени глухо ударились о камень.

Он не отвёл глаз. Не прервал чтения. Целил хладнокровно, пока стража ещё билась у стены.

Тварь обхватила меня — если это можно назвать обхватом без рук — и потянула к дыре.

Под рёбрами, где всегда молчала пустая искра, что-то шевельнулось.

Я хотела крикнуть. Хоть мельком увидеть: открылась ли калитка.

Меня тащило назад. Камни поехали вверх. Крик стражи стал тонким, будто из другого города.

Холод входил в рот, под кожу, под рёбра.

Свет окна сжался в точку.

В голове осталось одно: камешек у калитки. Я так и не узнала, успел ли племянник его убрать.

Потом погас свет.

И всё.

Глава 2

Чужое отражение

Здесь всё звучит иначе. Даже пустота. Я ещё не знаю, жива ли она. И не знаю, существуют ли дороги назад — или только надежда, которая годами притворяется дорогой.

Боль пришла первой. Не резкая, не знакомая по площади — тяжёлая, налипшая, будто тело пропиталось водой. Каждая мышца ныла, но хуже всего было с запястьями: там жгло так, будто по старым рубцам провели ножом.

Холод во рту держался ещё несколько мгновений — тот, что тянулся из провала. Потом исчез, оставив после себя только слабость и запахи: трава, кровь, чистая ткань.

До слуха донеслись крики. Женские. Наполненные страхом. А затем — снова темнота. Без переходов.

Во второй раз мир качнулся, и я поняла что меня несут. Потолок над головой распадался на полосы света. Под лопатками и коленями ощущались чужие руки; шаги — быстрые, размеренные, не такие, как у убийц на площади, не такие, как у стражи.

Я хотела спросить, где дом. Где племянник. Что с калиткой.

Язык не слушался. Из рта вышел только хрип — тонкий, не мой.

Дыхание было поверхностным, сердце билось слишком громко и близко к рёбрам. Пальцы мелко дрожали, и эта дрожь казалась мне чужой.

Единственное, что оставалось несомненным: я жива.

Это дошло раньше имён и стен. Только тело отвечало иначе — вес, пульс, дыхание, даже собственный голос казались неправильными. Холод Оберона ещё не выветрился — он держался под кожей, как остаточное онемение.

В третий раз свет стал белее, будто кто-то распахнул все ставни разом. Совсем рядом спорили на повышенных тонах, а в глубине комнаты кто-то тихо плакал.

Я открыла глаза — и потолок оказался чужим. Высокий, белый, с лепниной, какой не бывает в моём квартале: слишком пышной, слишком дорогой — точно из другого мира. Свет бил прямо в зрачки, острый, безжалостный.

Рядом шёл спор, обрывки фраз врезались в сознание: «...повторная кровопотеря при таком...»

— Это моя дочь! Вы обязаны... — женщина сорвалась на крик, но тут же осеклась, увидев, что я смотрю на неё. Она метнулась ко мне, накрыла объятиями, и в нос ударил запах духов и соли от её слёз. Сквозь всхлипы прорывались упрёки: «Зачем? Как ты могла? Мы же...»

Я отстранялась как могла — плечом, ладонью, даже просто стараясь не дышать в её сторону. Сердце колотилось мелкой, чужой дробью.

Мужчина в светлом — целитель — крепко перехватил моё запястье выше повязки — хотел удержать кровь, если она вдруг снова прорвётся наружу. Потом осторожно разжал мои пальцы и провёл большим пальцем по центру ладони. Его брови сошлись в тяжёлую складку — уже не лёгкое сомнение, а настоящая тревога.

— Странно, — пробормотал он, почти себе под нос.

— Что? — голос женщины сорвался, как натянутая струна.

— На ладони остался след чужой магии. Но он не от раны.

Он выпустил мою руку так резко, будто обжогся.. Холод под бинтом лип к коже, тяжёлый, въедливый — сильнее, чем бывает от простой потери крови.

— Тише. После... того... бред бывает. Не пугай её вопросами.

Я скользила взглядом по их лицам, выискивая хоть искру узнавания, но все они были чужими — ни одного знакомого очерка, ни намёка на то, что я здесь не одна.

— Кто вы? — голос вышел тонким, почти беззвучным — чужим, не моим. — Где это? Что вы делаете?

Они переглянулись. Я не слышала слов, но поняла достаточно: бред, травма, потеря памяти. Я опустила глаза и посмотрела на свои руки.

Кожа на запястьях стала тоньше. Под свежими повязками зудели швы, которых я не накладывала и даже не видела, как их затягивали. Пальцы подрагивали мелкой дрожью — это было не то тело, что утром застёгивало ворот у стола после смены, привычным движением, не глядя.

Большой палец сам собой скользнул по шву у запястья, очерчивая круг, потом второй, третий. Это была привычка не моя — привычка этого тела. Я нарочно повторила жест, вцепившись в это простое движение: пусть хоть что-то под пальцами будет знакомым, пока всё остальное вокруг — чужое.

Женщина снова тянулась ко мне, чтобы обнять, и звала меня не моим именем — другим, мягким, почти ласковым, но от этого ещё более чужим, режущим до боли.

Я вцепилась в простыню в надежде удержать себя в реальности. Нужно было понять только одно: где я. Всё остальное могло подождать — или вообще не иметь значения, пока я не верну себе хотя бы этот крошечный ориентир.

В палате не было зеркала — только белый потолок и чужие, напряжённые лица. Этого было недостаточно.

Я сбросила простыню. Ноги едва держали, но я не собиралась ждать, пока они станут крепче. Пол оказался ледяным, а коридор поплыл перед глазами, как во сне. Сзади неслись голоса: «Стой! Лежи! Не сейчас!» — но они звучали уже не как приказы, а как шум, который можно обойти.

Я вышла в коридор. За первой дверью была еще одна, а дальше, в самом конце, темное большое стекло в тяжелой раме. Я шла к нему, как к единственной точке, где мир мог снова стать понятным. И я дошла.

В стекле смотрела чужая девушка. Платиновые волосы, лицо совсем юное — лет девятнадцать, не больше. Тонкая шея, острые скулы, глаза неестественно большие. Я видела, как рот открывается с каждым вдохом, как зрачки расширяются от ужаса — моего ужаса на чужом лице.

— Это не я, — прошептала я, и даже звук оказался чужим: тоньше, выше — голос тоже подменили.

Чьи-то руки вцепились в плечи, женщина выкрикивала имя, которое мне не принадлежало. Целитель отдавал приказы короткими, рублеными фразами, не давая ни секунды на осмысление. А мир сузился до этого проклятого отражения: оно повторяло каждый мой жест, словно издеваясь.

Кто-то резко удержал мой подбородок. Холодная игла коснулась шеи — и по телу разлилось тёплое онемение.

Стекло поплыло, черты незнакомки дрогнули, но она всё ещё смотрела на меня, пока свет окончательно не погас.

Сознание возвращалось медленно, по кусочкам. Первым пришёл звук: тихий стук дождя по стеклу, чьи-то шаги, шёпот — говорили обо мне так, будто меня тут и не было.

Я не спешила открывать глаза. Боялась: стоило только взглянуть — и снова будет то лицо из стекла, чужое, юное, не моё.

В груди тихо шевельнулась надежда: а вдруг это всё ещё горячка после удара? Вдруг сейчас я проснусь по-настоящему — в своей комнате, где сестра ворчит у плиты, а племянник носится по сениям.

Вместо родных звуков пришли чужие, ровные фразы:

— Её состояние стабилизировалось. — Снадобье ещё действует. — Нужно сообщить семье.

Семье. Слово ударило сильнее, чем должно было. У меня была семья. Там. Не здесь, среди белых стен и голосов, которые уже решали, что со мной делать.

Я подняла руку — хотела потереть висок — и остановилась. Пальцы были слишком тонкими. Волосы скользнули на лицо легче и длиннее, чем я помнила. Когда выдохнула вслух, звук снова вышел не тем.

Мир не сходился. Объяснения кончались одно за другим: бред, сон, чужая шутка. Оставался только один способ проверить — своими ногами. Где-то должен остаться хоть один признак прежнего: свой квартал, своя улица, своя дверь.

Я открыла глаза, когда поняла: если буду лежать дальше, ответы сами не придут.

Встала босиком. Повязки на запястьях тянули. Снадобье уже почти перестало действовать, а дежурная, решив, что я сплю, оставила дверь неплотно прикрытой.

Дверь поддавалась тихо — будто никто всерьёз не ждал, что я снова уйду. Я вышла в коридор, спустилась по лестнице и оказалась во дворе. За спиной дверь закрылась слишком тихо. Никто не окликнул.

Под навесом дождь стекал по лицу, и я не вытирала. Обычно путь домой складывался из мелочей: запах сапожной мастерской, арка, калитка, которая заедает. Я шла на эти детали, как на маяки. Здесь не было ничего, за что можно зацепиться.

Я свернула направо ещё до того, как подумала: там должна была быть улица к дому. Вместо неё оказалась площадь — слишком широкая, чужая. Фонари горели сами, без щелчка пальцами. Пахло мокрым камнем и дорогими маслами, не дымом печей моего квартала. Люди шли мимо под капюшонами и не узнавали меня.

Я пошла дальше не потому, что знала куда, а потому что стоять было страшнее. Искала до боли в ступнях: лавку, калитку, окно с одной лампой. Улицы не становились родными.

Это не мой квартал. Не моя дверь. Здесь племянник не выбежит босиком на порог.

Я шла, пока ноги не отказали у стены, и села прямо в лужу. Стена за спиной. Фонарь слева. Двое под капюшонами у дальнего угла даже не повернулись. Чужая площадь, чужие люди — и всё равно жива. Сказала себе тихо, как когда-то перед тяжёлой сменой: меня не сломят. Не этим лицом. Не этой ночью.

Когда меня нашли — мокрую, грязную, — я уже знала одно: настоящая я — там, у дыры, у окна под коньком. Здесь — только тело, которое тащат дальше.

Меня привели обратно. Сухие простыни. Тёплый напиток, которого я не просила. Женщина снова взяла меня за руку.

— Лиана... милая. Посмотри на меня.

Я дернулась так резко, будто меня обожгли.

— Не называйте меня так, - резко сказала я, дернув руку назад.

Женщина застыла с протянутой рукой.

— Что?

— Я не Лиана. Меня зовут Милена.

Я ждала, что вслух станет легче — сброшу чужую оболочку и почувствую себя собой. Легче не стало: только холоднее.

Женщина побледнела.

— Да... конечно. Ты просто путаешься. После травмы бывает...

— Нет. Вы не понимаете. Я вообще не знаю, кто вы.

Она закрыла рот ладонью. И это было хуже злости: страх. Она смотрела так, будто не знала, как справиться с тем, что стоит перед ней.

— Я твоя мать.

Я замотала головой — слишком быстро, слишком громко.

— Нет. Моя семья дома, - выдохнула я. - Сестра, племянник. Она наверняка ругается, что я опять опоздала к ужину.

Дыхание сбилось. Я уже не говорила им — говорила себе.

— Я должна вернуться домой.

Женщина заплакала.

— Лиана...

— Не называйте меня так!

На этот раз почти крик. Все замерли. Я сама испугалась своего голоса. Руки сжали простыню. Я коснулась лица — чужие скулы под пальцами — и отдёрнула ладонь.

— Вы смотрите на меня так, будто я ваша дочь. Но я не она.

В тишине я увидела самое страшное: они верили мне. Но не так, как я хотела. Они верили, что я больна.

Целитель шагнул ближе. Голос ровный, будто диктовал запись:

— Она пережила серьёзную травму. Память может искажаться. Не давить.

Не давить — уже поздно. Я сказала правду, а они услышали только симптом. Оставалось одно слово, которого они ждали.

— Не помню, — сказала я. Голос сел. — Ничего не помню.

Женщина всхлипнула с облегчением. Целитель кивнул. Мужчина у двери впервые за вечер чуть расслабил плечи.

Я закрыла глаза. Это была не хитрость. Я просто перестала биться головой о стену, которую они называли любовью. Позже — если доживу до «позже» — из этого можно сделать щит. Сейчас я просто перестала биться головой о стену, которую они называли любовью.

Утром мужчину у двери называли. Лорд Родрик Эверн выглядел человеком, привыкшим решать вопросы, а не сидеть у постели больной дочери. Женщину, которая всю ночь держала мою руку, звали Элина: светло-каштановые волосы, гладко убранные, запах духов и соли. Она знала про эту девушку то, чего я не знала про чужое тело. Настоящая мать. Просто не моя.

Родрик говорил о доме, о долге, о союзе.

— Ты помнишь Рейнара?

Я смотрела так, как они ждали от «потери памяти»: пусто, без якоря. Имя лежало на языке чужим камнем.

— Нет.

— Он твой муж.

Пауза. У двери целитель чуть отвёл взгляд. Элина сжала мою руку сильнее, чем нужно для утешения.

Я засмеялась — не громко, один короткий звук без радости. Все замерли.

— Муж?.. Чёрт. Я даже имя своё... А вы уже — кому отдать?

Элина всхлипнула. Родрик побледнел. Впервые за все утро он выглядел не раздражённым, а испуганным.

— Ритуал завершён, — сказал он жёстче. — Договор исполнен. Брак уже состоялся. Положение не изменится от того, что ты... забыла. Дом де Лорей заберёт тебя, как только позволит целитель.

Как только позволит. Не «если захочешь». Уже решено — осталось выбрать день.

У меня похолодели руки. Не из-за мужчины по имени Рейнар — я его даже не знала. Страшнее было другое: все в комнате говорили о моём будущем так, будто меня самой в нём не было. В новом мире я была не человеком. Имуществом.

— Я не знаю вас, — сказала я. Голос сел. — Ни этот дом, ни его. А вы уже решили. Хотела ли я — вы даже не спросили.

Тишина.

На подносе у стены лежали ножницы. Я посмотрела на них и впервые за все вре утро подумала: хотя бы это решение может остаться моим. Рука потянулась сама. Не потому что я хотела умереть — потому что нужно было хоть что-то выбрать самой.

— Лучше так, — сказала я. — Лучше так, чем к нему.

Элина закрыла лицо. Родрик резко вырвал у меня ножницы — как у ребёнка.

Когда дверь за ними закрылась, я осталась одна и впервые за утро позволила себе дышать ровнее. Они слышали не меня. Они слышали болезнь. Значит, правда снова бесполезна. Маска — единственный язык, на котором этот дом отвечает.

За дверью голоса не ушли далеко.

— Она сказала, что мы ей не семья, — тихо сказала Элина. - Это травма. — А если нет? - спросил Родрик после короткой паузы.

Тишина в коридоре была хуже крика. Не «капризничает». Страх другого рода: дочь вернулась — а будто её там нет.

— Зовите Верайн, — сказал Родрик наконец. — Пусть дом де Лорей увидит сам.

К вечеру дом утих. Меня снова уложили в палату — «отдохнуть до приезда». За дверью ещё шептались о сроках и союзе.

У двери кашлянула служанка — совсем юная, взгляд в пол. В руках — свёрнутый платок.

— Простите... когда вас нашли тогда, после... — она сбилась, глянула на повязки, — это было у вас в руках. Сжали намертво. Мы... вернули. Целитель велел отдать, как очнётесь.

На край покрывала легла пуговица. Матово-чёрная. Тяжёлая для размера. На ободке — две тонкие насечки.

Я уже протянула руку — и заметила, что девушка всё ещё у двери. Взгляд уже не в пол: скользнул по пуговице, по пальцам, снова на лицо, будто ждал ещё слова. Или жеста.

— Можно... ещё что-нибудь? Чай?

— Нет, — сказала я. Голос вышел жёстче, чем хотелось. — Спасибо. Иди.

Она кивнула — и всё равно задержалась на шаг.

— Правда, если понадобится—

— Иди, — повторила я тише. — Закрой дверь.

Щёлкнуло. Шаги растаяли в коридоре. Я ещё секунду смотрела на дверь: слишком долго стояла, слишком пристально глядела на пуговицу.

Сжала — привычка порядка: вещь не должна валяться — и спрятала под край повязки. На платье Лианы пуговицы светлее: эта — чужая. Откуда: вложили, пока я была без сознания, или я сама схватила её ещё на Обероне.

На миг под пальцами кольнуло холодом — коротким, как искра. Я списала это на нервы. В голове ещё гудело чужое слово «муж». Позже разберусь — когда дом де Лорей пришлёт того, кого уже зовут.

До приезда оставалось ждать. Пуговица лежала под бинтом, холод Оберона все еще держался под кожей, а правду здесь уже успели объяснить болезнью.

Глава 3

Чужие правила

Сын уходит туда, куда Дом не посылал стражей. Я не останавливаю. Некоторые дороги начинаются задолго до того, как человек делает первый шаг. Дом требует от него продолжения. Я требую, чтобы однажды он вернулся собой.

Верайн де Лорей приехала через два дня.

Приём устроили в гостиной, а не в палате: Родрик хотел показать, что дом ещё держит лицо. Высокие окна, ковёр, слишком много света для той, кто ещё недавно сидела в луже.

Она вошла не как свекровь с приговором — как человек, которому доложили о странном деле и который решил увидеть всё своими глазами. Ей было около сорока. Серебро в волосах не прятали и не подчеркивали. Лицо спокойное, собранное. Одно кольцо. Голос без спешки — ровнее крика и оттого опаснее.

На коленях у меня мелко дрожали пальцы: то сжимали ткань платья, то отпускали. Я считала каждое слово. Их версия уже сложилась: я — нестабильная, испуганная, временно больная. Теперь они проверяли, совпадает ли она с тем, что сидит напротив.

Верайн села напротив — не близко. Рядом, чуть в стороне, стоял целитель. Элина у окна. Родрик ближе к дивану, будто готов был перехватить любой неверный жест.

— Расскажи, что с тобой, — сказала Верайн. Не ласково. Прямо. — Зачем ты так поступила с собой.

Я открыла рот. Сначала вышел только выдох.

— Я... — голос сорвался. — Я не... не хочу.

— Лиана, — быстро вставил Родрик. — Она просто устала. После всего. Ей нужно—

Верайн даже не посмотрела на него. Я продолжила, пальцы вцепились в платье сильнее.

— Не хочу замуж. Не хочу к нему. Я не помню лица. Не помню имени. А они уже отдали.

Уже решили.

— Это не так, — перебил Родрик. — Союз почётен. Она в порядке. Это временно. Страх после раны. Не больше.

Мои слова сыпались скомканно, одно на другое. Дыхание сбивалось.

— Всё из-за брака. Я не могла иначе. Он... — я запнулась и всё равно выдохнула: — Он во всём виноват.

— Довольно! — Родрик шагнул вперёд. — Не слушайте бред. Рейнар ни при чём. Клятва чиста.

— В чём? — спросила Верайн тихо — уже не про раны. Родрик оборвался на полуслове.

Я открыла рот и закрыла. Обвинять было некого: лица не было, только имя и клетка. Страх без адреса.

— Ты боишься моего сына? — спросила Верайн ещё тише.

Плечи потяжелели. У меня не было ответа. У Элины — был: она моргнула слишком быстро, будто вопрос ударил и её.

— Она не боится, — почти прошипел Родрик. — Она забыла. Целитель сказал — память. Это пройдёт.

Верайн повернула голову к целителю.

— Говорите.

Целитель кашлянул в кулак.

— Кратковременная потеря памяти. Сильная эмоциональная нестабильность. Ночью ушла босиком под дождь. Кроме того... — он скользнул взглядом по Элине, — повторная попытка. Ножницы. Остановили вовремя.

— Один срыв, — вставил Родрик. — Любой на её месте сорвался бы. Союз нельзя откладывать. Двор смотрит.

— Она кричала, что лучше так, чем к нему, — сказала Элина ровно. — И что мы ей не семья.

Верайн слушала без мимики. Потом снова посмотрела на меня — на дрожащие руки — и на отца, который говорил слишком громко для человека, уверенного в своей правоте. Пальцы едва сжались на кольце.

— Я не знаю, что произошло между вами в храме, — сказала она ровно. — И не буду делать вид, что всё в порядке, пока вижу её в таком состоянии. — Кивок Родрику оборвал его новый вдох. — Я разберусь. Поговорю с ним.

— Верайн, вы не можете просто—

— Ты останешься в доме родителей ещё год, — сказала она мне, будто Родрика в комнате уже не было.

Я моргнула. Воздух на миг застрял в горле.

— Год?

— Да. За это время восстановишься. Потом — дом де Лорей. Двору объясним, как сумеем. Когда вернёшься к нам — отдельные покои, не общие. До тех пор — здесь, у родителей.

Год. Передышка. Но с назначенным концом: через год меня всё равно заберут.

— Проводите, — оборвала Верайн спокойно, когда Родрик уже поднялся слишком охотно. — Обсудим. Решение я уже назвала.

Элина шагнула первой к дверям. Верайн кивнула мне почти незаметно — не тепло, не холодно: разговор окончен.

Шаги ушли в коридор. Голоса приглушились за тяжёлой дверью. Я осталась на диване одна и слушала тишину.

У меня появилось окно — год. Значит, можно строить план: мир, правила, как не дать им забрать меня, когда срок выйдет. И клетка: все вокруг любили девушку, которой я не была, — и из этой любви строили для меня новую тюрьму.

Год не был свободой. Год был сроком. Значит, его нужно использовать раньше, чем он закончится.

Я села глубже и сжала кулаки — старый жест, когда думаешь слишком быстро. Под бинтом справа что-то ткнулось в ладонь: маленькое, твёрдое, не ткань и не шов.

Я замерла. Два дня носила это под повязкой и почти вытеснила. Сейчас мелочь сама напомнила о себе.

Я размотала край бинта и вынула пуговицу на свет гостиной.

Пальцы похолодели раньше мысли. Служанка слишком долго смотрела на неё у двери. Я не верила в знаки. Верила в детали. Целитель в первый день говорил: на ладони след чужой магии — не от порезов. Кто держал тело. Кто мог вложить. Кто имел доступ к повязкам, пока я спала.

Я сжала крепче — чтобы пуговица стала одной точкой.

Холод пришёл сразу. Не с воздуха гостиной. Изнутри ладони — тонкий, сухой, будто пальцы снова упираются в край провала. Дыхание сбилось коротко, резко. Под кожей вены на миг почернели, будто чернила под пергаментом, и потянулись к запястью — к бинту, к чужим швам.

Я разжала пальцы. Чернота в венах схлынула медленнее холода. Во рту встал металл.

Тёплая гостиная. Ковёр. Свет из окон. Дыры нет. Значит, холод пришёл не из комнаты — только из сжатой вещи. А сам холод я уже знала: перед смертью на Обероне он поднимался так же — изнутри, без ветра.

Два разных места. Одно ощущение. Одно и то же «после» в венах.

Улика.

У меня есть год. И вещь, которая помнит дыру. Пора понять, что здесь происходит — и что я могу с этим сделать.

Станция 1 · День третий · Выжить

Утро ничем не отличалось от вчерашнего: запах травы, свежее бельё, дом Эверн.

Я сидела у окна в палате, когда дверь открылась без стука.

Элина вошла с подносом — чай, мёд, свежий бинт. За ней в коридоре ещё спорил Родрик с кем-то о сроках и «лице дома». Элина затворила дверь плечом, будто отсекала этот голос от дочери.

— Ты снова не спала, — сказала она тихо и села на край постели. Пальцы легли на моё запястье поверх шва — привычно, жадно. — Целитель говорит, год — это милость. Мы рядом. Всё будет как прежде.

Я смотрела на эти пальцы. Хотелось отдёргнуть руку. Вместо этого я кивнула.

— Спасибо, — сказала я севшим голосом. — Я... просто устала.

Элина поцеловала меня в волосы. Запахло духами и солью.

— Отдыхай, милая. Мама здесь.

Она ещё поправила одеяло, ещё раз взглянула на мои запястья — и ушла, тихо притворив дверь. В коридоре снова послышался голос Родрика.

Я осталась совсем одна. Чай на подносе давно остыл, пуговица под повязкой неприятно давила, а на ладони всё ещё чувствовался холод Оберона — тот же, что после сжатия в гостинной, только тише, как эхо.

Год, который все называли милостью, для меня пах сроком — тяжёлым, неотвратимым. Объятие Элины ещё держалось на коже. Слово «мама» так и не сорвалось с губ.

Тепло было настоящим. Просто — не моим.

Станция 2 · Неделя вторая · Понять правила

В воздухе висел запах мокрой земли и увядающих роз. За стеной шумела улица — грохот колёс, чей-то зычный голос. У калитки служанка едва заметно щёлкнула пальцами, и замок послушно щёлкнул в ответ, без всякого ключа. Я оставалась на скамье, под этим молчаливым надзором, пока Родрик не встал напротив: руки за спиной, поза сдержанная, а в воздухе уже витало ожидание приказа.

— Ни шагу одна. Даже в галерею. Пока целитель не даст добро. Ясно?

— Да, отец, — прошептала я, не поднимая глаз, разглядывая узор из камешков на гравии. Пуговица под бинтом снова впиалась в ладонь, пока он решал, где мне дозволено ступить, а где — нет.

— Союз с де Лорей — не игрушка. Двор смотрит. Невеста дома Эверн не разгуливает в одиночку: молва бежит быстрее, чем стража. Ты будешь жить. И не станешь болтать о пустяках.

«Двор» — не крыльцо и не стража у ворот. Чужие дома, титулы, приёмные: молва оттуда доходит быстрее гонцов. Каждый мой шаг мог стать новостью ещё до того, как я его сделаю.

Он ушёл, даже не дожидаясь второго «да». Служанка стояла неподвижно, старательно глядя в сторону, и всем видом показывала, что ничего не слышала.

Раз ломать запреты было нельзя, оставался другой ход — казаться слабой. Пусть все видят хрупкую Лиану: измученную, не готовую к спорам и поездкам. Хрупкость стоила гордости, зато покупала часы.

Вечером Элина пришла сама — в палату, тихо, без лишних слов, с ключом на ленте, будто знала, что сегодня он мне понадобится.

— Библиотека, — прошептала она почти заговорщицки, будто предлагала не комнату с книгами, а убежище. — Ты ведь раньше так её любила... Может, хоть что-то вспомнится. Я посижу у двери. Никого не пушу.

Я медленно взяла ключ и провела пальцем по холодному металлу, будто проверяя, настоящий ли он. Он был настоящим — тяжёлым, с тонкой гравировкой, которую я не могла разобрать. Мы вышли в коридор; шаги звучали непривычно громко. Библиотека была в дальнем крыле, и пока мы шли, я сжимала ключ в кулаке так, что он врезался в кожу. У высокой двери я остановилась, вставила ключ в замок — он щёлкнул мягко, без скрипа. Высокие окна пропускали косые полосы света, в которых кружилась пыль. Пахло кожей переплётów и старой бумагой — запахом, от которого дышать становилось чуть легче.

— С чего начать? — спросила Элина мягко, не давя и не торопя.

Я водила пальцем по корешкам, делая вид, что выбираю наугад. Но пальцы сами замерли на том с потёртым корешком — не там, куда я целила, словно чужая рука вела мою. Я не стала спорить с этим движением.

— Хочу законы, — тихо сказала я, глядя не на Элину, а на тёмные буквы на корешке. — Про дома. Про браки. Чтобы... понимать, где я сейчас.

Элина вспыхнула надеждой так ярко, что мне стало неловко — будто я дала ей больше, чем хотела.

— Конечно, милая, — быстро проговорила она. — Конечно.

Прошло несколько часов. Пыль оседала на страницы, а я всё листала и листала, выхватывая из сухих формулировок то, что могло стать выходом. Я искала лазейку. И нашла стену.

Обычный брак дворов ещё можно расторгнуть судом — редко, дорого, с согласием сторон или указом сверху. Брак на клятве крови — нет. Что связано кровью, не развязать: ни Императорский суд, ни храм, ни магия.

Ниже устава домов стояло то же сухим пером: имущество и приданое уходят по линии союза; муж после закрытой клятвы вправе требовать перевод жены в свой дом — силой стражи, если двор подтвердит; пока жену не передали мужу, за ворота родительского дома она выходит только с сопровождением своего дома. В бумагах на нас с Рейнаром значилась именно клятва. Значит, лазейки не было. Правила были суше крови на площади — и так же безжалостны.

Сера влетела в библиотеку без стука — вихрь из слов и движений. Лет четырнадцать, волосы светлее моей платины. Имя я слышала раньше, но лицо увидела впервые так близко.

— Ты опять с пыльными... — Фраза оборвалась. Взгляд метнулся к повязкам, и тон сразу стал тише, мягче, будто она резко вспомнила, где находится. — Мама сказала, нельзя тебя утомлять. Я просто зашла. Скучно. Нельзя на рынок, нельзя во двор, с подругами — «после сезона». Как будто меня в банку посадили.

Сера схватила книгу, мельком глянула, перевернула вверх ногами, фыркнула и бросила обратно, точно избавляясь от лишней тяжести.

— Отец вчера кричал, будто это я тебя сломала. А я даже рядом не стояла. Хотела только ленту купить у Западных, и всё — теперь запрет до зимы. — Она запрыгнула на подоконник и теперь болтала ногой, будто пыталась стряхнуть с себя эти правила. — И мама... Стоит кому-то произнести «де Лорей», она бледнеет. Дети шепчутся про Первый меч, пугают друг друга. Я-то знаю, что это сказки. Но она верит. Или делает вид, что верит. Будто он уже стоит в прихожей.

Хлопнула дверь, и следом по галерее разбежались лёгкие шаги — свои, настоящие, без притворной осторожности.

Я смотрела на пыль в полосе света. Сера могла злиться на ленту и смеяться над слухами — её слова летели легко, будто не несли цены. Я считала каждое своё, боясь сорвать маску. У неё ещё была беспечность. У меня — нет.

Ключ Элины лежал у двери: маленький ход наружу — уже не только постель и чай, не только комната, где меня берегли.

Станция 3 · Месяц третий · Найти угрозу

Целитель снимал повязки у окна. Белый свет делал всё слишком отчётливым: каждый шов, каждый след, каждую тень под кожей. Его пальцы были сухими, движения — точными, голос звучал так, будто он не говорил с человеком, а заполнял формуляр.

— Швы держатся, сударыня. Ходить можете, руки поднимать — без рывков. Стыд — не моя забота. След на ладони реагирует, — он чуть нахмурился. — На травму спишем. Избегайте лишнего.

Дверь закрылась. Я спрятала руки в рукава — не от холода, а чтобы не объяснять дрожь. Швы держались, ходить разрешили — а лестница всё равно забирала дыхание. Тело ещё не готово, и от этой зависимости хотелось стиснуть зубы.

Вечером у двери мелькнула та служанка — Мира. Она спросила, не нужно ли погасить лампу, но взгляд снова скользнул к рукавам, не к лицу.

— Не нужно, — коротко ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, а не как просьба оставить меня в темноте.

Дверь закрылась. Слишком тихо.

Та же ночь

Сначала был двор: скрежет калитки, запах железа, голос, читающий что-то на ступенях, и этот рваный, пустой воздух у забора. Меня тащили, холод лез в рот, а свет окна съёживался в крошечную точку, пока мир не стёрся до неё. Успели ли... Живы ли...

Я рывком села на постели — так резко, что лампа у изголовья дрогнула, и её свет заплескался по стенам.

Тишина ударила следом — плотная, непривычная. Эверн. Потолок. Ни крика, ни шагов, ни чьего-то дыхания за спиной. На щеках блестела влага. Я стёрла её ладонью коротко и жёстко — не слабость, а ошибка, и я её исправила.

Я достала пуговицу из складки под матрасом, когда дыхание чуть выровнялось. Край всё тот же — стёртый, с двумя насечками. Сжала, будто проверяя, не исчезла ли она вместе с кошмаром.

Холод пришёл сразу, резкий, как удар по нервам. Под кожей на миг потемнели вены. Во рту встал металл. Я разжала пальцы раньше, чем хотела, — не от страха, а от привычки: эта сила не любит, когда её держат слишком долго.

И тут я услышала дыхание у двери. Не скрип, не поворот ручки — просто чьё-то тихое, ровное дыхание, от которого мороз шёл по коже куда сильнее, чем от пуговицы.

Служанка стояла на пороге без стука, взгляд привычно уткнут в пол — ровно до того мгновения, пока он не скользнул выше и не упал на мою ладонь. На чёрный край пуговицы, выглядывавший между пальцев.

Её лицо дрогнуло на долю секунды — слишком точное узнавание для девушки, которая «просто вернула забытое».

— Простите, — выпалила она чересчур быстро. — Воды принести. Матушка велела... на ночь.

Я медленно сомкнула пальцы поверх пуговицы.

— Стучи в следующий раз, — сказала я тихо. — И воду оставь у двери.

Она кивнула, но перед тем, как отступить, ещё раз скользнула взглядом по кулаку. Дверь закрылась мягче, чем нужно.

Я лежала неподвижно. Связана ли она с пуговицей или просто знала лишнее — пока разные вещи. Обе опасны.

На следующее утро

Я не стала кричать и звать Родрика. Крик — это когда теряешь опору. А я хотела не опоры, а ответа. Проверила иначе: не криком, а мелочью, которая не сходится.

У окна стоял стул со сложенной шалью и узкий столик. Я взяла светлую пуговицу с платья и положила её прямо на виду — на самый край столешницы, чтобы она бросалась в глаза, будто забытая по рассеянности. Чёрную пуговицу сунула под край сложенного платка, с другого бока — так, что торчал только ободок, словно она случайно закатилась туда при складывании.

Потом позвала служанку: — Принеси шаль. И столик протри, там соринка.

Голос звучал ровно, почти буднично, будто меня волновала только пыль. А на самом деле я смотрела, куда упадёт её взгляд. На яркую, открытую пуговицу? Или туда, где прячется чёрный ободок?

Мира подошла к окну. Светлую пуговицу смахнула тряпкой в сторону, будто это была не вещь, а просто пыль, прилипшая к столешнице. Взяла шаль. Провела тряпкой по столу — и краем рукава задела платок.

Замерла. Пальцы слишком быстро поправили край, будто ей жизненно важно было вернуть всё ровно на место, туда, где ничего не должно было сдвинуться. Для простой соринки жест вышел чересчур точным, почти нервным.

Я успела накрыть платок ладонью — тихо, без резких движений, просто чтобы закрыть то, что не нужно видеть. — Шали достаточно, — сказала я мягко, почти буднично. — Остальное не трогай.

Мира отступила. На лице мелькнула не смущение служанки — досада.

Значит, чёрная — не случайность. Светлую она отмела без раздумий. К чёрной потянулась иначе — не из любопытства, а как к вещи, которую нельзя было сдвинуть. Виновата ли сама — ещё не вывод: могла искать по чужому приказу и даже не знать, зачем.

Днём я остановила Элину у лестницы, пока она не ушла по своим делам.

— Та девушка... что с водой по ночам. Как её зовут? Давно у нас?

Элина улыбнулась — слишком быстро, будто улыбка была заготовлена заранее.

— Мира. С весны. Тихая. Хорошая. Что такое, милая?

— Ничего. Просто... не помню лиц, — я опустила взгляд, делая вид, что смущена собственной забывчивостью. — После всего... путаются имена.

Элина кивнула, будто это объяснение её успокоило, и легко коснулась моего плеча.

Я смотрела ей вслед и думала: «Тихая. Хорошая». Слишком гладко. Слишком сразу.

С тех пор я больше не доставала пуговицу при свидетелях. Даже если рядом никого не было, мне теперь казалось, что чьи-то глаза всё равно скользят по комнате из тени.

Через два дня

Я сама спустилась к служебному крылу под самой безобидной причиной: «забыла платок», — слабым голосом, чтобы никто не услышал в этом поход.

Дверь комнаты Миры была открыта настежь. Матрас — голый, будто с него содрали не только бельё, но и память о том, кто на нём спал. Полка пустая, ни единой мелочи, которая могла бы зацепить взгляд. На крючке — ни плаща, ни сумки: ничего, что могло бы сказать «она была здесь».

В соседней комнате новая девушка стелила бельё. Она вздрогнула, когда я остановилась на пороге, и простыня выскользнула у неё из рук, мягко оседая на пол.

— Где Мира? — спросила я. Голос вышел шёпотом, и я повторила чуть громче.

Девушка вздрогнула, будто вопрос ударил сильнее, чем голос.

— Не знаю, сударыня. Сказали — к родственникам. Меня поставили сегодня, — проговорила она торопливо, словно хотела поскорее закрыть тему, будто сама чувствовала, что слова не держатся.

Неловкость была настоящей — в этом я не сомневалась. Именно поэтому ответ ничего не объяснял: она просто повторяла то, что ей сказали.

Я не стала переспрашивать. Не было смысла. Мира ушла, а вместо неё теперь стояла эта девушка, которая не знала ничего, кроме чужой фразы. И эта фраза пахла приказом, а не заботой.

За обедом Элина говорила слишком ровно, будто читала выученный текст:

— Миру отослали к родственникам. Внезапно. Не спрашивай, Лиана, тебе нельзя волноваться.

Улыбка была мягкой, заботливой — и оттого почти оскорбительной.

Родрик отрезал мясо жёстче, чем нужно, и кусок на тарелке будто треснул под лезвием.

— Домашние дела. Не твоё, — бросил он, не поднимая глаз.

Я кивнула. Нож дрожал в пальцах секунду дольше, чем нужно: я специально не торопилась его положить, чтобы никто не заметил дрожь.

За Мирой смотрели. Кто именно — пока не знала. В затылке сел страх, холодный и плотный. Ниже, в зубах, — злость: острая, привычная, почти спасительная. Она не давала страху расплзтись по всему телу.

Станция 4 · Месяц пятый · Получить тело

К пятому месяцу я уже не путала термины. Однажды за ужином тихо поправила Родрика — одно слово, без нажима — и он смотрел секунду слишком долго. После этого Элина гладила меня по волосам чаще. Сера через стол сыпала сплетнями с рынка: для неё — забава, для меня — карта. Магия квартала ещё царапала кожу, но уже не каждый раз останавливала шаг. Голова обгоняла тело.

В письме из дома де Лорей леди Верайн снова писала: год — милость; перевод — неизбежен; «берегите её тишину». Защита без тепла.

Зал ещё пах пылью после долгого простоя, а лестница уже забирала дыхание. Полезных книг почти не осталось. Нужно было что-то сильнее полоч.

В кабинете пахло цветами и чернилами. Элина вышивала у окна — стежки слишком ровные для спокойных рук.

— Матушка, — сказала я, поправив сорвавшееся «ма...». — Можно на минуту?

Она подняла глаза сразу.

— Конечно, милая. Чтото болит?

— Нет. — Я села на край кресла и сжала пальцы, чтобы они не дрожали. — Тело не слушается. Даже лестница забирает дыхание, а за книгами я не могу сидеть долго. Хочу вернуть силы. Можно кого-то, кто поставит на ноги? Тихо. Дома. Без лишних глаз.

Элина уронила иглу на ткань.

— Лиана, конечно. Только осанка и лёгкие нагрузки. Никакого фехтования. Я сама поговорю с Родриком.

Я кивнула. Спорить нельзя было: за «силой» она учуяла бы бой. Мне нужно было, чтобы она открыла двери зала.

— Сейчас напишу мастеру, — уже тянулась к перу. — Зал у восточного крыла. Только не перенапрягайся. Помнишь? Ты так любила заниматься до ужина...

Я опустила глаза, пряча вспыхнувший жар. Та Лиана любила зал до ужина — и боялась порога де Лорей сильнее, чем ножиц.

За обедом Родрик ударил пальцем по краю стола.

— Мастер в доме. Хорошо. Но без глупостей: не одна во двор, библиотека — только с сопровождением. Ясно?

— Ясно.

— Осанка и силы, — бросил он Элине. — Никакого меча. Через год ей быть женой, а не солдатом.

— Главное, чтобы она была жива, — мягко отрезала Элина. — Мастер будет заниматься только подготовкой тела. Без боя.

Родрик буркнул в тарелку и махнул рукой. Лучше так, чем снова ножницы.

Мастера звали Корен. Сухой, собранный, с сединой у висков — не придворный красавец, а человек, который ставит стойку так, будто от неё зависит жизнь ученика. В зале висела сухая пыль. У двери Элина ещё раз повторила, глядя на Корена:

— Осанка. Дыхание. Силы. Без клинка. Я зайду через час.

Дверь закрылась. Шаг Элины ушёл далеко.

Корен протянул лёгкую деревянную палку.

— Приказ леди я слышал, — сказал он ровно. — Возьми. Стойка. Дыши. Так мы и начнём — для отчёта.

Я едва удержала палку. Плечи жгло. Запястья ныли. Три шага в стойке — и остановилась.

— Мало одной осанки, — сказала я тихо. — Научите защищаться по-настоящему. А матушке пусть останется то, что она просила.

Корен смотрел долго. Без жалости. Без удивления.

— Если леди войдёт и увидит удар, меня выгонят до заката. Вас снова закроют в покоях.

— Когда она у двери — осанка. Когда нет — настоящее. Жаловаться не буду.

Он поправил хват — не как у больной, как у ученицы — и легонько толкнул в плечо. Я не отшатнулась от страха: шагнула в сторону, удерживая палку. Он кивнул раз.

— Не игра. Работа. Договор: для дома — силы. Здесь — чтобы не сломаться от первого толчка. Без рассказа матери.

— Да.

— Тогда вставай. И не падай дважды.

Так мы и работали — для дома осанка, для меня удары, пока Элина далеко. На третьей неделе он ударил палкой по моей впервые по-настоящему. Дерево выбило из пальцев. Я села на пол. В ушах шумело.

— Встать, — сказал Корен.

— Не могу.

— Я не спрашивал, можете ли.

Я встала. Колени дрожали. Он не протянул руку. Смотрел, пока я снова не подняла палку.

— Не проси жалости. Проси работу. Это я умею.

Когда в коридоре слышались шаги Элины, Корен одним движением вернул меня в исходное положение — плечи ровно, дыхание ровное, палка как для упражнения.

— Хорошо держится, — сказал он Элине у двери спокойно. — Силы вернутся. Без боя, как велели.

Элина улыбнулась с облегчением. Я слабо ответила улыбкой — мышцы ныли от часа с палкой, на ладонях красные полосы.

К концу часа в ушах ещё гудело. Корен забирал сумку и остановился у двери спиной ко мне:

— Дом будет звать вас Лианой. Я буду звать ученицей. Разница важна. Завтра — раньше на четверть часа.

Дверь закрылась. В этом теле я пока почти никто. А «никто» не уходит сам. Значит, учиться дальше — пока дверь ещё открывается изнутри.

Станция 5 · Месяц восьмой · Выбрать действие

Родрик урезал время — и утро в зале стало короче, будто кто-то обрезал его по краю, не спрашивая. Корен поправил хват сухо, без жалости, и в этом отсутствии «бедной девочки» было даже какое-то облегчение.

— Лучше стоишь, — сказал он. — Страх ещё в плечах. Пусть уйдёт в ноги. Каждый удар должен делать двойную работу. Я не утешаю. Я готовлю.

Спустя три месяца это уже было не чудом, а нормой: палка оставалась в руке весь первый час, а синяки я прятала под рукавами, не задумываясь. Просто часть распорядка.

Плотная бумага лежала на столе Родрика поверх стопки счетов, печать дома де Лорей темнела, как печать приговора. Он взял письмо и прочёл вслух, ровно, будто зачитывал пункт сметы:

— «Прибуду в дом Эверн в первый день осеннего месяца. Сопровождение минимальное. Прошу не устраивать приёма». — Родрик опустил лист, взгляд был спокойный, расчётливый. — Ни тёплых слов, ни обещаний. Только дата и приказ.

Элина молча сжала в пальцах платок, будто он мог удержать то, что рвалось из груди.

— Он едет... чтобы посмотреть? Или чтобы забрать раньше срока? — голос Элины дрогнул, но она тут же сжала платок, будто хотела этим движением удержать себя.

— Год — не щит, — сухо бросил Родрик. — Рано или поздно ему придётся приехать. А раз уж шепчутся во дворце, пусть лучше увидит своими глазами: девочка жива, держится ровно, не бьётся в истерике. Одно это стоит дороже десятка писем.

— А он... какой?

Родрик пожал плечом.

— Он не тратит слов зря. Один взгляд — и кажется, что приговор уже вынесен. В зале становится тихо задолго до того, как он садится: тишина не из уважения, а из страха. Первый меч — да. Но страшнее не титул. То, что с ним рядом никто не спорит вслух.

Я стояла у стены, спрятав пальцы в рукава. Четыре месяца — и он на пороге. После его приезда окна, в котором я сама выбираю дверь, уже не будет: останется только та, которую выберут за меня.

— С сегодняшнего дня в библиотеку — только с Элиной либо со мной, — продолжил Родрик. — Во двор без сопровождения — ни шагу. Занятия с Кореном остаются, но будут короче. Ты не воительница. Ты невеста, ожидающая мужа.

— Да, отец.

Вечером Элина пришла с тёплым молоком; глаза красные от сдержанных слёз.

— Он не такой страшный, милая, — прошептала она. — Слухи всегда громче правды. Ты его полюбишь.

Она гладила меня по волосам и плакала тихо, не требуя ответа.

Я лежала неподвижно. Письмо ещё звучало в ушах: дата, ни ласки, ни имени — только срок, после которого выбор сузится до чужого.

Элина уснула в кресле у стены. Когда дыхание выровнялось, я тихо достала пуговицу из складки под матрасом.

Сжала — на миг вернуться туда, где я была собой. Холод пришёл — и сорвался: короткий укол, потом пусто. Вены едва потемнели и сразу схлынули. Я сжала сильнее — ответ стал слабее, во рту снова встал металл. Запястье заняло до локтя.

Чёрный край с двумя насечками. След жив. Но без цены не отдаётся — и без риска, что однажды не ответит вовсе.

Комната Миры в служебном крыле по-прежнему пустовала. Новая служанка боялась собственного дыхания и не смотрела на руки. Лицо убрали. Слежку — или только имя — пока не ясно.

За дверью чуть скрипнула половица. Чужой шаг. Или свой страх.

Я спрятала пуговицу обратно и легла. Рука ещё холодила под одеялом. Слушала тишину дома — и половицу, которая уже не скрипнула второй раз.

Он всё ещё где-то рядом. Даже если лица больше не видно. Даже если имя пока неизвестно.

И если дом Эверн считал, что запер меня внутри своих стен, он ошибался. Я уже училась открывать двери.